

Привет. Меня зовут Иванна. Ничего себе имечко, да? Обычно в книжках после подобных заявлений персонаж говорит: «Не знаю, что было в голове у моих родителей, когда они это придумывали». А я вот знаю.

У них в голове была Жанна д'Арк. Они оба на ней просто помешаны. Знаете, кто это? Такая храбрая французская девушка, которая воевала наравне с мужчинами. Люди тогда считали, что женщина должна только рожать детей и жарить окорока, и такого равноправия стерпеть не смогли. Жанне дали всех победить, а потом быстренько сожгли на костре.

Мама играла эту Жанну в своем театре. Любительском. Так-то она корректор. Нет, не коллектор. Ошибки исправляет, а не долги выколачивает.

А папа писал про Жанну диссертацию. И как утверждает бабушка Аида (ага, странные имена — это у нас семейное), с детства был в нее влюблен. В эту деву с мечом.

Правда, папа уверяет, что всю жизнь был влюблен только в маму. Это, конечно, сложно понять, ведь они познакомились уже взрослыми. Но я ему почему-то верю. Про всю жизнь. Если бы вы видели, какими глазами он на нее смотрит, вы бы тоже поверили.

Кстати, познакомились они как раз благодаря Жанне. Брали в библиотеке одни и те же книжки про нее. Папа — для диссертации, мама — для спектакля.

Но откуда же взялась Иванна? Против Жанны восстала бабушка Аида.

«Мы же не во Франции! — заявила она. — У нас Жаннами бывают только кассирши в круглосуточном супермаркете!»

С чего она это взяла, не знаю. Я всегда читаю имена у кассирш на бейджиках. И Жанна мне ни разу не попалась. Может, они по ночам работают?

Впрочем, бабушка Аида обо всём на свете говорит так, что никому и в голову не придет сомневаться.

«Если вам непременно хочется почтить Орлеанскую деву (это прозвище той Жанны), — сказала бабушка, — возьмите Иоанну или Иоганну. Сколько музыки! Сколько судьбы!»

Но Иоганну отвергли родители. Для ребенка, мол, «это слишком».

«Она же не вечно ребенком будет! Я надеюсь!» — возмутилась бабушка.

В итоге сошлись на Иванне. Типа компромисс. По мне, так лучше бы была Иоганна. Не пришлось бы выслушивать бесконечные тупые шуточки про Ивана или идиотские вопросы, не мальчик ли я.

Конечно, мальчик. С двумя косами. Как викинг.

В одной школе нашелся умник, который, услышав мое имя, переспросил: «И ванна? И туалет? Санузел совмещенный?»

Так это ко мне и прилипло. На всю ту четверть, что я там проучилась. Прямо скажем, Орлеанской деве с прозвищем повезло больше.

Да, в школах я обычно не задерживаюсь. Хорошая традиция для человека, которому каждое знакомство — как выход гладиатора на арену. К голодным львам.

Бабушка Аида уверяет, что это тренирует силу характера. И что к выпускному я стану практически железной. Если доживу. Разумеется, она и не думает поинтересоваться, хочу ли я быть железной. Может, я предпочла бы другой материал. Какой-нибудь, например, гуммиарабик.

Вся эта свистопляска со школами, кстати, тоже происходит по ее воле. Так бабушка Аида борется со старческим маразмом. Не только своим, конечно. Обо всех нас заботится, как же иначе. Она где-то прочитала, что привычное убивает мозг. Если мы день за днем ходим по одной и той же

улице, делаем одни и те же дела, то мозг рано или поздно перестает в этом участвовать. Засыпает, а потом и вовсе — отсыхает. За ненадобностью. Вот бабушка и следит за тем, чтобы наши мозги всегда находились в рабочем состоянии. И когда ей кажется, что ничего нового выжать из этого места уже нельзя, бабушка виртуозно, как она умеет, ссорится с квартирными хозяевами — и вуаля, мы переезжаем в другой район. Уф, угроза старческого маразма миновала. Правда, ненадолго. Скоро снова в путь. Думаю, я могла бы уже написать книжку о том, как переезжать. Но я не могу: я переезжаю.

Звучит всё это не очень правдоподобно, согласна. Мне иногда тоже кажется, что причина вовсе не в борьбе с маразмом. Раньше я воображала себе всякие ужасы. Как в фильмах, которые мне смотреть запрещено. Что бабушка — тайный агент, скрывающийся от вражеских разведок. Что ее преследует какой-нибудь маньяк. Или марсиане.

А сейчас я иногда думаю: может, ей просто скучно? И никакой другой причины нет?

Но даже если и так — это ничего не меняет. Мы безропотно пакуем рюкзаки и отправляемся в путь.

С бабушкой Аидой у нас в семье спорить не принято.

2

Но в этот раз переездом из района в район не обошлось. Бабушка Аида телепортировала нас в другой мир. Ну, мне так показалось. Если ты вырос в мегаполисе и на тринадцатом году жизни вдруг попадаешь в городок, который можно обойти пешком за полчаса, эффект получается примерно такой. Первую ночь я даже не могла уснуть. От тишины. Звенело в ушах. Слышно было, как на другом конце городка над рельсами переговариваются диспетчеры.

Наш поезд стоял здесь ровно одну минуту и поскорей унесся прочь.

А мы остались. Одни. На пустой платформе. «В этом городе есть жители?» — поинтересовалась я.

«Не делай себя глупее, чем ты есть!» — отрезала бабушка Аида.

И величественно покатила по платформе свой потрепанный чемодан, купленный в Париже «тысячу лет назад». Точнее, попыталась покатить. Колесики тут же застряли в выбоине.

СТОЛОВАЯ →

ГОРНО
ТЕРА

БУБА

«Тут недавно была бомбежка?» — снова спросила я.

Прошипев слово, за которое лишают конфет, бабушка вызволила чемодан и ринулась дальше. Родители побрели за ней, согнувшись в три погибели под тяжестью рюкзаков. Как хилые министры Петра Первого на той картине. Правда, если вас каждые выходные не таскали в Третьяковку, вы вряд ли поймете, о чем речь.

А еще вы, наверное, не поймете, почему у нас так мало вещей. Может, следующим поездом придет контейнер с мебелью и прочим домашним добром? А вот и нет. Парижский чемодан, два больших туристических рюкзака и один поменьше — мой — это всё, что у нас есть.

Причина, конечно, всё та же: бабушка Аида. И ее очередной проект по спасению наших мозгов. Бабушка считает, что лишние вещи ужасно вредны. Загромождая квартиру бархламом, мы устраиваем такой же беспорядок у себя в голове. И потом ничего не можем найти. Ни там, ни тут.

Где-то раз в месяц бабушка Аида «проводит ревизию», выискивая пробравшиеся в дом лишние вещи. Лишние — это все те, без которых можно обойтись. А обойтись, вы не поверите, можно почти безо всего. Тут, конечно, нужна привычка. Но у нас она давно выработалась.

Иногда я думаю: а что, если бы у меня была другая бабушка? Не такая... м-м-м... заботливая.